

СЕРГЕЕВ Марк Давидович (11 мая 1926, Енакиево — 9 июня 1997, Иркутск) — русский советский писатель, поэт и библиофил, детский прозаик, редактор. Участник Великой Отечественной войны. Член Союза писателей СССР (1958). Главный редактор альманаха «Ангара» (1964–1967). Член Союза российских писателей. Заслуженный работник культуры РСФСР (1971). Почётный гражданин Иркутска (1986). Кавалер орденов «Знак Почёта» и Дружбы народов. Родился в семье строителя, впоследствии начальника комплексной изыскательской партии для проверки Падунского сужения на реке Ангаре. Перед самым выпуском в июне 1941 года весь класс Сергеева посадил тополиновую аллею перед школой. Все выпускники поклялись вернуться, но сдержали клятву только пятеро — остальные погибли на войне. Этому посвящено стихотворение «Баллада о тополях». Окончил историко-филологический факультет Иркутского университета. В 1994 году вместе с Валентином Распутиным и митрополитом Ангарским и Иркутским Вадимом выступил инициатором создания праздника «Дни русской духовности и культуры „Сияние России“». В Иркутске произведения входят в региональную школьную программу по внеклассному чтению. Автор сказочных повестей, составивших сборники *«Весёлые беглецы»* (1963), *«Сказка о нетающей снежинке и другие удивительные истории»* (1973), *«Вот так чудеса»* (1976). Написал детскую фантастическую повесть *«Машина времени Кольки Спиридонова»* (1964), которая затем, вместе с повестью-сказкой *«Волшебная галоша»* (1958; испр. 1965) объединена в одном томе — *«Волшебная галоша. Машина времени Кольки Спиридонова»* (1971). В 1991 году стал членом редколлегии детского журнала «Сибирячок». Автор сказки о приключениях Сибирячка и его друзей и ряда публикаций по истории, краеведению. Автор более 60 книг для детей, сказок, поэтических сборников, исторических повестей, исследовательских книг о Пушкине, декабристах, Байкале, изданных в России, бывших советских республиках (Армении, Грузии, Литве, Эстонии и других), в зарубеж-

ных странах (Болгарии, Венгрии, Монголии, Чехии, Югославии, Японии и других). Более 50 фильмов о природе и текстов альбомов «Байкал» (премия ООН за самую красивую книгу года, 1984), «Сибирь», «Декабристы и Сибирь», «Это — Байкал» и другие. Один из инициаторов издания Восточно-Сибирским книжным издательством серий книг «Полярная звезда» (ответственный секретарь серии), «Литературные памятники Сибири» (член редколлегии и составитель томов), «Сибирская лира», «Сибирские записки», «Детская и юношеская библиотека Сибири», создатель (совместно со С.Н. Асламовой и А.М. Муравьевым) цветного журнала для малышей «Сибирячок». Более четверти века работал в качестве члена Президиума ВООПИиК и Общества книголюбов. Сыграл большую роль в становлении детского журнала. Отличительная черта книг Сергеева — сочетание нескольких жанров в пределах одного произведения. В его сказке можно найти элементы повести, научной фантастики, загадки. Похоронен в Иркутске на Радищевском кладбище рядом с драматургом Александром Вампиловым.

Души огонь неугасимый...

Иркутск — середина земли

Плывут и плывут прибайкальские шири,
Саянские горы синеют вдали.
Нас встретит столица таежной Сибири —
Любимый Иркутск — середина земли.

Из всех городов — их немало на свете —
Взгляни на восток и на запад взгляни —
Сквозь тысячу верст мы свой город заметим
И сердцем его мы увидим огни.

Пусть есть города и красивей, и выше,
Но где бы пути иркутян не легли —
Они тебя видят, они тебя слышат,
Любимый Иркутск — середина земли.

Вечный свет Иркутска

Иркутск, ты родился острогом,
таежным бревенчатым градом,
но с каждой новой эпохой,
меняясь, рождался ты вновь.
Иркутск — наша жизнь и работа,
Иркутск — наша честь и отрада,
Иркутск — и мечта, и надежда,
И вечная наша любовь!

Ты три века стоишь на ветрах, на юру,
и Байкал подарил тебе дочь Ангару.

И пронесит река сквозь года, сквозь века
твою славу, Иркутск, твою славу, Иркутск.

Иркутск, ты отмечен судьбою,
ты дружбой встречал декабристов,
ты помнишь свои баррикады
в далекий решительный час.
И свет этих давних событий
по-прежнему горд и неистов.
Пусть годы проходят, и годы
он светится в душах у нас.

Века над тобою не властны,
Иркутск, ты моложе, чем прежде,
и дерзкая сила Байкала
стучит, словно сердце в груди.
Иркутск — наша жизнь и работа,
Иркутск — наша честь и отрада,
Иркутск — все, чего мы достигли,
и все, что еще впереди.

С Иркутском связанные судьбы

Души огонь неугасимый,
байкальский ветер, обнови!
В который раз, Иркутск любимый,
я признаюсь тебе в любви.
Какой крутой ни выбрал путь бы,
влекут меня в твои края
с Иркутском связанные судьбы,
и среди них — судьба моя!

Когда мальцом с обрыва прыгал
в огонь студеной Ангары,
ты открывался мне, как книга,
как сказок маминых миры.
Тот воздух детства вновь вдохнуть бы,
восторг счастливый затая.
С Иркутском связанные судьбы,
и среди них — судьба моя!

Чтоб жизнь моя не обмельчала
и набирала высоту,
храню в себе твои начала,
суровость, нежность, чистоту!
Мне в день грядущий заглянуть бы,
каким ты станешь в дальний час.
С Иркутском связанные судьбы
сегодня, завтра и — без нас.

Души огонь неугасимый,
байкальский ветер, обнови!
В который раз, Иркутск любимый,
я признаюсь тебе в любви.
Какой крутой ни выбрал путь бы,
влекут меня в твои края
с Иркутском связанные судьбы,
поскольку ты — судьба моя!

Портрет

Галине Новиковой

Нарисуй меня, Галя, красивым,
точно первый весенний листок,

чтоб глаза — с бирюзовым отливом,
чтобы лоб — и открыт, и высок.

Нарисуй меня, Галя, спокойным,
как Байкал накануне грозы,
как патрон непочатой обоймы,
как глаза после тайной слезы.
Нарисуй меня, Галя, веселым,
как осенний просвеченный лес,
как в поля уходящий проселок,
как звезда среди синих небес.

Ты уже на палитре смешала
и любовь, и случайную боль,
и ранимость, и детскую шалость, —
так теперь за работу изволь.
И, окончив труды на рассвете,
ты задайся вопросом одним:
— Это кто же такой на портрете?
Хорошо б познакомиться с ним!

На Иркутской чаепрессовочной фабрике

Все коридоры в белом кафеле,
надела лестница халат,
и стены фабрики, как вафли —
квадрат гнездится на квадрат.
Нас водят строгие начальники
по цеху, пахнущему сном.
Мы ходим, как чайники в чайнике,
молочно-белом, заварном.
По лестнице, как будто на гору.
А там — девчонки у станка
в халатах, что подобны сахару,
с глазами — жарче кипятка.
Под потолками, в синих бункерах,
где воздух ароматом сжат,
дожди тропические булькают
и зори южные дрожат.
Из рук рабочих напряжение
и чьих-то песен красота,
и даже времени движение —
в движенье чайного листа.

Здесь Индия приносит нежно
своих плантаций аромат,
здесь солнце Грузии развешено —
его пакует автомат.
И, пачку яркую встречая,
там, где все снегом замело,
щепоткой байхового чая
заваришь южное тепло.
Нас водят гордые начальники
по цеху, пахнущему сном,
и радуги таятся в чайнике —
молочно-белом, заварном.
Беседуем за чашкой чая,
но тянет нас туда, назад,
где солнце южное отчаянно
пакует в пачки автомат.
Где ходят тихие блондинки,
как затаенная гроза.
У них ресницы, как чайники,
И цвета чайного глаза.

Баллада о тополях

В тени их скрыта школьная ограда.
Они следят с улыбкой за тобой,
горнист из пионерского отряда,
так мастерски владеющий трубой.

Нас кронами укрыв, как шалашами,
они шумят под вешнюю грозой...
Послушай: я их помню малышами,
обыкновенной тоненькой лозой.

Послушай: в небе стыл рассвет белесый,
проткнула землю первая трава, —
за ручки важно, приведя из леса,
их посадили мы — десятый «А».

И ночью, после бала выпускного,
мы поклялись сюда опять прийти.
...И вот мы к тополям вернулись снова,
но впятером из двадцати шести.

Горнист из пионерского отряда,
послушай: кляtv никто не нарушал.
Ты родился, должно быть, в сорок пятом
и, значит, сорок первого не знал.

А в том году схлестнулись с силой сила,
стояла насмерть русская земля.
За тыщи верст разбросаны могилы
тех, кто сажали эти тополя.

Но, будто бы друзья мои — солдаты,
стоят деревья в сомкнутом строю,
и в каждом я, как в юности когда-то,
своих друзей приметы узнаю.

И кажется, скажи сейчас хоть слово
перед шеренгой тополей живой —
и вдруг шагнет вперед правофланговый
и в трауре поникнет головой.

Как требуют параграфы устава,
начни по списку называть солдат:
— Клим Щербаков! —
и тополь — пятый справа —
ответит:
— Пал в боях за Ленинград.

— Степан Черных! —
и выйдет тополь третий.
— Матвей Кузьмин! —
шагнет двадцать второй...
Нас было двадцать шесть на белом свете —
мы впятером с войны вернулись в строй.

Но остальные не уходят. Рядом
они стоят, бессмертны, как земля.
Горнист из пионерского отряда,
взгляни: шумят под ветром тополя.

И если в час беды о нас ты вспомнишь,
твой горн тревожно протрубит подъем,
то мы придем, горнист, к тебе на помощь.
Живые или мертвые — придем.

Об Иркутске

Мы постепенно город обживаем.
Сначала дом, где мы явились в мир,
Потом квартал с грохочущим трамваем,
Потом подъезды дружеских квартир.

...И переулки, полные преданий,
Скамейка поцелуев у пруда,
Затем углы внезапных расставаний.
И чаще — расставаний навсегда.

Мои паденья и высоты,
Моих детей друзья и кумовья,
И все работы, страхи и заботы,
Моя любовь и нелюбовь моя.

...О город, разноликий, разнолицый, —
Зимой и летом, и в разгул весны, —
Ты мой дневник, где вырваны страницы,
Но многие еще сохранны.

О Байкале

Лесистых гор полуовалы,
Касанья голубых лекал,
И скалы, срезанные валом,
И небо, павшее в Байкал.

И сам он величав и вечен
В гранитной раме вырезной.
И весь — до донышка — просвечен,
И весь до капельки родной.

И Ангары полет строптивый,
И ветра крик, и гул турбин,

И птицы — сосны над обрывом,
И длинный ветер Баргузин —

Все это, без чего не в силах
Быть далью даль и ширью ширь,
И ты не мыслима, Россия,
И ты не мыслима, Сибирь.

Но эти царственные воды,
но горы в сизой полумгле —
Байкал — священный дар природы,
Да будет вечен на земле.

Возвращение с войны

Эшелоны гремят обратные
посреди зимы,
и китайские аккуратные
отстают дымы.
По теплушкам снуёт метелица.
Караулим груз.
И ещё в наши жизни целится
по ночам хунхуз*,
и ещё, куржаком оправленный,
от тревог устав,
через пули и спирт отравленный
наш гремит состав.

...Глинобитная улица узкая,
чей-то грустный взгляд.

*Хунхуз — участник вооруженных банд, действовавших в Маньчжурии с середины XIX в. до победы народной революции в Китае в 1949 г.

Но всё ближе граница русская,
и сердца горят.
И уже нам ночами снится:
над волной раки́т,
распластавши крыла, как птица,
эшелон летит.

Смотрят матери удивлённо,
детвора бежит:
журавлиная стая вагонов
в небесах кружит.
И садятся напропалую,
развернув крыло.
кто на площадь на городскую,
кто в своё село.

Мы выпрыгиваем на травы,
ордена звенят,
ах, какие, о боже правый,
очи у девчат!
Как целуют они нас сладко
у речных раки́т...
Голова на шинельной скатке,
эшелон гремит.

Зори — мимо,
пространства — мимо,
в ледяной красе,
и колёса неутомимо
всё отстукивают с нажимом:
«Живы, мальчики... живы, живы...
Да не все...
не все...»